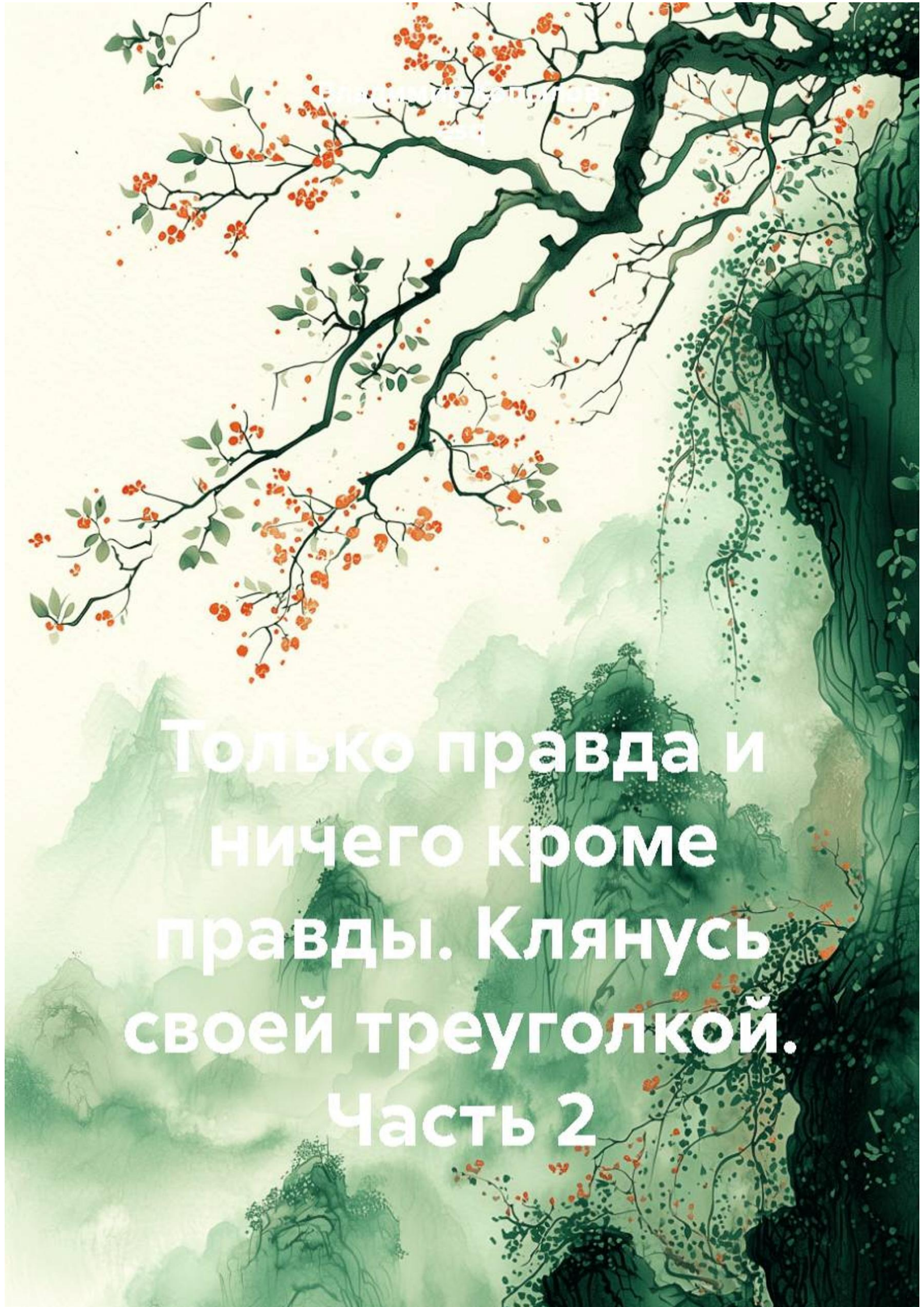

The background is a traditional Chinese ink wash painting. It depicts a misty mountain landscape with several peaks. In the foreground, a large, gnarled tree with dark green branches and clusters of small red berries or flowers extends from the right side towards the center. The overall style is soft and atmospheric, with a focus on natural elements.

Только правда и
ничего кроме
правды. Клянусь
своей треуголкой.
Часть 2

Владимир Копылов, esq

**Только правда и ничего
кроме правды. Клянусь
своей треуголкой. Часть 2**

«Автор»

2026

Копылов, esq В.

Только правда и ничего кроме правды. Клянусь своей треуголкой.

Часть 2 / В. Копылов, esq — «Автор», 2026

Продолжение приключений Карла Мюнхгаузена в России и не только в России. Барон Мюнхгаузен умеет наживать себе не только друзей, но и врагов. Ему благоволят сильные мира сего, его удача живёт у него за спиной.

© Копылов, esq В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Копылов, esq

Только правда и ничего кроме правды.

Клянусь своей треуголкой. Часть 2

Глава 1

Часть 2,
глава 1. Сердце императрицы.

Анна Иоанновна не находила себе места, мало того, что армия ушла на зимние квартиры, так и никаких значимых побед Россия в этот год не одержала. Всё лето, отбиваясь от турецких войск, неся потери, фактически только показала туркам, что боевого духа у русской армии хватит ещё на несколько компаний. Сперва рапорты Миниха с театра боевых действий, в которых он описал бедственное положение армии, а теперь и сам главнокомандующий, докладывал, что войск было мало, снабжение не самое хорошее, болезни, чума и ещё чёрт знает что, не дали возможности одержать победу. И при таких не самых лучших делах, дали всё-таки турку прикурить, ополовинив днестровскую армию султана и сделать задел на следующий год. Над Санкт-Петербургом висели тучи, поливая город осенними дождями, пряча солнышко от взора императрицы и всех остальных жителей столицы заодно. Листья с деревьев уже опали и собранные кучами они лежали под ними, становясь теплой шубой для корней в грядущей зиме. Вроде всё как всегда в такое время года, что поделать, такой характер у града Петра, - вечно идущий дождь, ветер с залива и редкое солнце, под лучи которого выходил греться весь город. Даже собаки не гоняли котов, в эти редкие солнечные дни, мирно уживаясь в редкие часы прояснения, одни сидя на заборах, а другие, лежа под заборами, получая полезные для организма теплые лучи.

На сердце у императрицы было беспокойно, грудь давило так, что как будто на ней был одет корсет. Было такое ощущение, что кто-то свой, родной тяжело заболел далеко от неё, а она всесильная не может ему ничем помочь. Сидя в одном пеньюаре, светло голубой расцветки, в своей ещё не убранной опочивальне, у кофейного столика, на котором дымилась свежая налитая чашечка кофе, глядя в мокрое стекло окна, она перебирала в уме своих родственников. Но близкие родственники все были на виду и чувствовали себя хорошо и на здоровье не жаловались. Бирон, милый друг, так и вовсе пылал здоровым телом и духом, пропадая у себя в конюшнях. Даже донышко фарфоровой чашечки с кофейной гущей молчало, скрывая от императрицы ответы на её молчаливые вопросы, темной бесформенной жижей.

- Авдотья, что-то не хорошо мне, как будто сердце сжимается и болит за кого-то, - обратилась императрица к своей карлице, сидевшей у её ног на отдельном пуфике и что-то вязавшая спицами.

- Что матушка, сильно беспокоит, может, кто заболел?

- Да все в порядке. Анька, правда, нос воротит стерва, от Антона, но по виду всех нас переживёт.

- Ну, матушка, я уж и не знаю что сказать. Правда есть у меня одна думка, даже боюсь тебе её сказать, можешь и рассерчать на меня, старую дуру.

- Да говори уж, чего на тебя серчать то, - на убогую.

- Ну ладно, матушка, слушай тогда. Думается мне, что валет бубновый у тебя на сердце, сердце то чувствует, а голова ещё нет, вот ты и страдаешь не ведая.

- Валет говоришь, бубновый говоришь. А ведь ты права подружка моя. Вся армия вернулась, а валет бубновый где-то шляется, никак до дома доехать не может.

- А он матушка, по слухам, доброе дело делает, его Антон послал офицеров тяжелораненых до дома доставить, передать так, сказать с рук армии на руки родне. Вот бубновый валет на твоём подарке и раскатывает по закоулкам России и Польши и приказ выполняет.

- А может с ним что случилось, а, Авдотьюшка? Заболел, али ещё что, не приведи Господь?

- Всё может случиться в дороге матушка, да только я думаю, что парень то не промах, вон как офицеры в карауле говорят, что вояка он отменный, а здоровья у него на троих с избытком, зря что-ли в банях парится, да седалищем своим в сугробы ныряв.

- Да откуда ты знаешь, что он в неглиже в сугробах охолоняется после бани?

- Так матушка народ говорит, сама то я, конечно же, и не видела, да и чего там у него смотреть, чего я там не видела?

- Вот что, подружка, как приедет этот бубновый валет, сразу мне доложи, узнай сперва, что и как, ну сама знаешь, не мне тебя учить.

- Не беспокойся матушка, всё узнаю, всё выясню и тебе сразу доложу, - Сказав это, Авдотья продолжила вязать не пойми что, не пойми кому, но очень аккуратно и старательно, выводя петельки одна к одной и не оставляя узелков и затяжек, на не пойми чём.

В это же время на лесной дороге, в десяти верстах от Лепеля, в глухой пуще, где по преданиям живут разные лесные духи, где непролазные чащи и болота, переплетаются с ручьями и речушками в сказочные вензеля. Водная стихия, сплела болота и озера, которые рассмотреть можно только с высоты птичьего полета. На лесной дороге, проходящей замысловатыми изгибами по берегам этих водных калейдоскопов, бубновый валет, возмутитель спокойствия в одном лице, возвращающийся в столицу Империи, - Карл Мюнхгаузен, принимал для себя очень важное решение.

Перед его каретой лежала поваленная старая ель, перегородив пыльную дорогу, своим мощными игольчатыми лапами. А перед деревом стояли двое недоброжелательно настроенных человека, одетых во всё темное, с черными платками на лице. Судя по добротным сапогам и камзолам из дорогой ткани, эти «романтики с большой дороги», ни в чём себе не отказывали. По манере держать шпаги, Карл определил, что перед ним представители и последователи испанской фехтовальной школы, более пригодной для дуэлей и коротких схваток не только с одним человеком, но и с двумя или даже тремя противниками.

Карл, ещё сидя в карете, зарядил свои два пистолета и положил их в кобуры, которые ему верой и правдой служили всё лето. Ещё в самом начале боевых действий, Кольцо сшил у маркитанток кожаные пояса с кобурами по бокам. И эти пояса носили практически все в отряде. Очень удобно, два пистолета в поясе, два у седла, и того - большая огневая мощь, как у рейтаров. Застегнув кафтан на пуговицу, и поправив кушак так, что бы пояс с пистолетами не бросался в глаза, Карл открыл дверцу кареты и встал на твердь земную рядом с каретой. Хаймуля, в этот момент, как ртуть просочился между ногами хозяина, и чуть пригнувшись к земле, исчез в густых лесных зарослях.

- Что господам угодно, в столь неурочный час? Не соблаговолите ли вы сообщить, причину, по которой вы самым бесцеремонным образом перегородили мне путь и остановили мою карету? Почему, вы природу портите, деревья валите без разрешения, дорогу добрым путникам перекрываете? – Очень культурно и вежливо обратился Карл, к людям в черном.

- Почему не соблаговолим, очень даже соблаговолим. Я так понимаю, что перед нами сам барон Карл Мюнхгаузен, собственной персоной? – Чуть с издёвкой, с хрипловатым голосом, произнёс один из людей в черном.

- Какие вы господа проницательные, перед вами действительно барон Мюнхгаузен, собственной персоной, а так же его лошади - Граф и Графиня, и мой кучер Томас. У вас имеются претензии только ко мне или к их светлостям тоже, - кивнул головой в сторону меланхоличной Графини и наострившего уши Графа, Карл.

- Так господин барон ещё и издевается над бедными самаритянами, это нехорошо господин барон, наверное, пора вашим светлостям поменять конюшни, а то вы по молодости лет не достойны такого высшего общества, - Ответил тот же человек.

- Так давайте мы спросим у их светлостей, может им нравится в моей конюшне, - уже начал в свою очередь издеваться Карл, над людьми в черном.

- Я думаю, господин барон, что пора заканчивать эту словесную караколь, обнажайте же свою шпагу и готовьтесь отправиться на тот свет. – Дал совет второй человек в чёрном.

- А что господа, даже не дадут мне исповедоваться и помолиться перед смертью? – Поинтересовался с издевкой в голосе Карл.

- Увы, господин барон, я семинарий не заканчивал и духовного сана не имею, так что обойдёмся без облегчения души. К тому же мне заплатили за вашу голову, а не за душу. За душу пусть на небе спорят, а у меня на вас заказ. А я привык свои заказы исполнять точно и в срок. – С этими словами оба человека в черном, быстрым шагом направились к карете Карла, с явно не с мирными намерениями. Главный, покачивая кончиком шпаги, пошёл прямо на Карла, а второй стал обходить его с правого бока, зажимая, таким образом, Карла в клещи.

- Ну ладно господа, без исповеди, так без исповеди, - Карл быстро откинул полы своего кафтана, и мгновенно выудив из кобур пистолеты, как на войне, взвёл под удивлённые взгляды наёмников курки и навел пистолеты на оппонентов. Те в свою очередь, вероятно, хотели возмутиться, что Карл не достал шпагу и не принял их вызов, но два выстрела практически дуплетом, прекратили эти душевные терзания. Первый, тот кто принял заказ на Карла, получил пулю в грудь, и упал лицом в дорожную пыль, второй наёмник, получил пулю в живот и, согнувшись на краю леса, лежал на боку в позе эмбриона и подвывал, не терпя боли и пытаясь рукой в перчатке остановить вытекающую из раны кровь.

- Если хотите убить, убивайте сразу, а не разводите тут политесы, - смиренно произнёс Карл, подходя к раненому. – Да господа, вы вероятно и на войне то не бывали, всё по заказам, да по контрактам душегубствовали. Вот и приняли смерть на обочине дороги в пыли, в грязи и так не по благородному, от пули и без исповеди. Жаль вас. - У тебя есть шанс, исповедоваться и рассказать мне кто вас нанял, убить молодого, красивого и безобидного барона. – Обратился Карл к раненому.

- Обещай, что похоронишь нас с отпеванием, и я тебе расскажу всё что знаю. Всё с меня возьми себе, по обычаю, пусть это будет моей платой за мои грехи.

- Легко хочешь отделаться от грехов, ну да ладно, последнее желание, есть последнее желание, обещаю сделать всё по-христиански.

- Мы безземельные шляхтичи из Полоцка, промышляем заказами, живём со шпаги. Неделию назад, мой старший получил заказ на тебя, что бы ты, не доехал до России. – Пуская кровавые пузыри изо рта начал рассказ наемник. – Деньги платили хорошие, почему не отработать, благо далеко ходить не надо. Вот и всё.

- Кто заказал, знаешь? Русский? Или немец? – Задал вопрос Карл.

- Да нет, ни тот ни другой, наш он, поляк, богатый шляхтич, очень богатый, я его имени не знаю, но вот выезд у него и гайдуки справные. Кому-то ты дорогу перешел, - отхаркивая кровь, рассказал наемник. – Меня Иштван зовут... ты обещал, а главного Марек... похорони по человечески... С этими словами, наемник оставил Карлу загадку, кому же он перешел дорогу, императрице он оставил боль в сердце, а Томасу он завещал помахать лопатой и часть имущества, на усмотрение жертвы.

После того, как Карл закончил разговор, из леса раздался выстрел, а затем дикий человеческий крик, переходивший в звериный вой. В тот же миг под ноги Карла выкатился из леса клубок, состоявший из человека и волка повисшего у человека на спине и державшего шею последнего в холодных волчьих клыках.

- Паааан, уберите его, он меня съест, ааааа... – голосил человек.

- Хайман, отпусти болезного, я с ним поговорю немного.

Хайман разжал свои клыки и, видя, что его не особо и ругают, быстро скрылся в карете, положив своё тело на любимую подушку.

Перед Карлом стоял на четвереньках человек без возраста, обросший щетиной на опухшем от пьянства лице, в старых застиранных штанах и в лаптях. Рубашка, такая же серая, как и штаны, была вымазана землёй и имела зеленые следы травы, говорившие сами за себя, что Хайман свою часть работы сделал правильно.

- А ты болезный кто таков?

- Я, я, это самое, как его, - не мог найти слов человек, - я в лесу был, вот.

- А кто стрелял?

- Это я случайно, когда волк на меня напал сзади, я от страха закричал и пальнул в небо.

- А что ты тут делал, любезный, грибы с ружьём собирал что ли? Можешь мне не рассказывать, я и так догадался. Почему в меня сразу не стрелял?

- Я испугался ваше благородие, честное слово испугался, что после этих, вы меня того, этого самого...

- Давай ка дружок всё по порядку.

- Так эти двое наняли меня, что бы в случае чего, я бы вас того, этого самого...

- Пристрелил, да?

Человек не ответил, он понял, что ему врать уже бесполезно и его жизнь зависит от молодого дворянина, одетого в коричневый охотничий костюм, который он не далее как несколько минут назад, мысленно примерил на себя.

Кольцо в своё время вбил в голову Карла, что когда на тебя нападают, просто достаешь пистолеты и стреляешь, а того кто остался в живых берешь на клинок. Коротко, ясно и просто. В этот раз Карл, как дисциплинированный новобранец в точности исполнил наказ наставника. Просто уложил двух наёмников, двумя выстрелами. «Хочешь жить, не тани – стреляй первым. Один выстрел – один труп». Правда, сегодня был подранок, но тоже неплохо, хотя бы прояснил, что голова Карла нужна кому то в Польше, а не в России. А то если в России, так и до столицы не доедешь, будешь в каждом лесу отбиваться от охотников за головами. – Ну ладно, об этом мы подумаем потом, а сейчас надо обещание выполнять. А тут ещё один подарок, мужик с ружьём. А в прочем, он и так всё узнал, вряд ли этот мужик знает больше, - подумал Карл. - «Тогда используем мужика, как пленного, нечего просто так с ружьём за баронами охотиться». – Поставил точку барон.

Сказано сделано. Мужик с Томасом, при помощи Графа, оттащили дерево на обочину, после чего, Томас сходил в лес и привёл двух лошадей наёмников, опустошив карманы и освободив тела от оружия, взвалили их на их же лошадей и направились в сторону Полоцка. Не доезжая Полоцка, в одном селе, где была католическая церковь, оба тела были преданы земле, за счёт средств самих покойников, всё как положено, с отпеванием и крестами на могилах. Карл на вопрос ксёндза, за что были убиты сие рабы Божие, ответил прямолинейно – «дерево в лесу срубили без разрешения». Лошадей продали прямо в селе, а оружие и деньги, по старой казачьей традиции Карл оставил себе. Что с боя взято – то свято. Кровавые шмотки, и сапоги новопреставленных, их поделщик забрал себе и был отпущен на все четыре стороны, с наказом не появляться на глаза барона в ближайшие сто лет. А не то....

Дальше дорога была более мене без особых приключений, не считая героической борьбы Карла и его спутников с осенней погодой и распутицей. На границе Речи Посполитой, офицер не затягивал с проездными документами, молча взял, молча отдал через десяток минут, только как-то странно посмотрел на Карла, так как будто они уже раньше виделись, но не мог вспомнить где. Или так, как будто Карл и не должен был тут ехать. Вообще.

Пройдя Российский пост, Карл облегчённо вздохнул, как будто он вернулся домой, хотя до его дома было недели две скачки на Графе строго на запад. Бумаги Карла опять произвели

на офицера сильное впечатление. Солидные подписи, большие печати, тубусы для бумаг, да и лакированная пыльная карета, сами за себя говорили, что барон Мюнхгаузен лицо приближенное и задавать лишние вопросы, только себе дороже выйдет.

А приближённое лицо, получив на руки документы, уселся в свою карету и поехал в сторону Пскова. Слегка прикрыв глаза, под мерный стук копыт и скрип колёс, под теплым бочком Хаймули, Карл принялся думать, или анализировать прошедшие с ним события, о том, что его судьба сделала очередной финт. От этого финта у него прибавилось ран на теле, денег в кошельке и карета от сильной мира сего. Мысли потекли в такт покачивания кареты, глаза закрылись, но извилины заработали с новой силой.

«Странно, я в России уже скоро десять месяцев, а такое ощущение, что я тут родился. Даже говорю по-русски, как местный, правда, с акцентом, но это ерунда, понимают же. Как же хорошо было под крылом у моего любимого герцога Карла. Тишь да гладь. Никто не напрягает, караулы раз в месяц, жалование платили исправно. Учился в Ганновере в университете, правда вольным слушателем, но я же и не студент, я гвардеец. А студенты и рады были выпить со мной за компанию, знали каналы, что в случае чего, Карл заплатит за пиво и домой доставит и в зубы даст какому лавочнику. Да и девицы в Ганновере и в окрестностях не прочь подарить свои нежности. А тут? Чуть не замерз посреди леса, чуть волки не сожрали, дуэлянты за мной в очередь выстраиваются, деля эту очередь с наёмниками. На войне чуть не убили, все люди как люди, воюют, стреляют, а меня за волосы из болота вытащили. Однако нельзя не отметить, что благодаря Антону, я императрицу видел, вот в подарке от неё качусь, хочешь с Хайманом на подушке, хочешь в гамаке покачивайся. Ай да я, ай да молодец. Рубликов и талеров себе заработал, на одних трофеях могу год в столице жить, а оружия у меня теперь, наверное, больше чем в арсенале герцога. Молодец Карл! А друзей себе я завёл столько, что и дома столько не было. Не просто друзья, а боевые товарищи. Семёновцы во главе со штабс-капитаном Сухоновым, строгим дядькой. Бакулин, Ершов, Герст, Янковский, Павленков, - все добрые вояки и отменные собутыльники, кроме Павленкова. Мы и пили вместе и воевали вместе, всё делили на всех, даже маркитанток. Эх. А Андреас с Алексом Гофманом, старым приятелем, карьеру оба делают как по маслу, уж жёны их наверняка довольны. Андреас теперь будет командовать, молодежь учить. Алекс при Антоне, знай себе умный вид делай на приёмах и английском послу улыбайся, за хорошее жалование. А казачки? Вот ребята brave, сам чёрт им не брат, Кольцо например, всю жизнь на войне, Андрей Мелихов, молодой правда, как и я, но чую, что будет он первым парнем у себя в станице, на следующую компанию наверняка приедет уже женатым. Казачки своего не упустят. Столько приключений в своей жизни наверное ни у кого в Саксонии не было, да что там в Саксонии, во всей Германии не найдёшь такого человека. Одни пираты мне прибыль принесли, такую, что я дома и не видел. Правда, чуть не убили, но не убили же. Если бы моя муттер узнала, она бы точно все пороги отбила бы в замке доброго герцога, лишь бы вернуть деточку Карла домой. Ха! Деточку! Да я за всё время тут поубивал на войне столько врагов, что если их сложить горой, выше ратуши в Витебске будет гора. Хотя что-то я заврался, но выше дома Яноша это точно. Разбогатею в России, женюсь на баронессе какой, заведем детей, и по вечерам буду им рассказывать, как папа подвиги совершал по расписанию, хе-хе. Интересно, я тут в России, по прекрасному полу стал большой ходок, а вдруг где-то мои потомки скоро бегать начнут, в Санкт-Петербурге или по дороге из Киева до Витебска. А пусть бегают, если объявятся, то я их сразу определяю по носу и росту, или по способности попадать в различные переделки. Это у нас фамильное, это от Мюнхгаузенов. А русские девушки красивые, кровь с молоком, по характеру душевные. Накормят, напоят, а пока кушаешь, будут на тебя смотреть добрыми глазами, подбоченившись, и пальчиком так крошки со стола в блюдечко, раз, и на скатёрочке чисто, а сами немного смущаются, продолжают на тебя смотреть влюблённым взглядом, да подкладывать чего вкусенького. Таких в Германии нет, а если и есть, то мне почему то не попадались. Могут и приласкать и приголубить, а могут

и коромыслом по спине. Однако. Не буду о конфузиях. Дело то молодое, - житейское, с кем не бывает. Вот выйду в старости в отставку, полковником например, сяду у себя в кабинете, открою свой дневник, да и книгу напишу. О том, как я тут в России жил поживал и добра наживал. Всем книгам будет книга. Да Хаймуля? Что-то размечтался я». – Карл погладил волка по загривку, а тот даже глаза не открыл, наверное, тоже что-то думал, правда, во сне.

Бабье лето в Пскове, встретило Карла стуком топоров и визгом пил. Мужики старались до первого снега поставить новые избы, взамен сгоревших, на пожаре. На улицах города ветер поднимал с мостовой желтые листья и, закручивая их, бережно переносил с одного края мостовой на другой, устилая желто-красным ковром всю улицу.

При въезде в город, на воротах он узнал, что Сергей сегодня выходной, и следовательно, наострим копыта нашего Графа сразу домой к поручику Поддубному. Дом Сергея Поддубного, Карл нашёл быстро и сидя на Графе, ехал впереди кареты, показывая дорогу Томасу. Наверное, в Пскове какое-то своё миро построение, ибо пока Карл ехал знакомой дорогой, слух о том, что к Поддубному едет гость, да ещё и в карете, прилетел в дом Сергея, сделав три оборота по небольшому городу. Озадачив этой новостью не только Сергея, но и Наталью. В кои то веке, к ним приезжает гость в своей собственной карете. Может генерал, какой отставной по старой памяти решил навестить однополчанина? Мужики, как и положено, кланялись карете, снимая свои шапки и картузы, видя в Карле только сопровождающего. Но каковы же были их лица, когда в окне кареты, вместо человека, на них смотрели волчьи глаза и розовый язык, высунутый из зубастой пасти. После такого видения, многие мужики осеняли себя крестным знаменем, а в головах как молния сверкнула мысль, что накануне он с кумом перебрал, да и вообще пора завязывать, а то скоро черти начнут мерещиться.

Удивлению Сергея не было предела, когда к нему во двор въехал Карл, на знакомом ему коне, а из кареты вывалился настоящий волк, высокий, с крепкими лапами и раскосым волчьим взглядом. Волк первым делом подбежал к Сергию, потерся об его сапоги, а потом развалился перед Натальей, при этом растянул свою волчью пасть в улыбке, чем ввёл хозяев дома в полный восторг. Особенно Наталью. Теперь разговоров в женском обществе будет не на один год, о том, что волк сам ластится к хозяйке.

Сидя в парилке с Сергием, Карл, после знакомого для него действия с вениками, не вызывающего теперь у него никаких негативных эмоций, а даже на оборот, каждый удар веником по многотрадальной спине барона, приводил его в лёгкое блаженство, рассказывал о своём житье-бытье. В основном Сергей интересовался Санкт-Петербургом, о том, что делается в полку, при дворе, и как дела на войне. От зоркого взгляда опытного вояки не ускользнули новые шрамы на теле Карла. Розовые, уже затянувшиеся, сами за себя говорили, что Карл провёл лето не на сеновалах в окрестностях столицы. Да и взгляд его стал жестче, прищур, как будто он целится, хотя улыбка осталась такая же. Добрая, юношеская, задорная, как после кулачного боя зимой.

- Досталось Карл? – немногословно задал вопрос Сергей.

- Всем досталось, кому больше, кому меньше, а кому и вечная память. – Ответил серьёзно Карл, моментально поменявшись в лице. Оба солдата поняли друг друга без слов.

После бани, по случаю прибытия дорогого гостя, был устроен праздничный ужин, где Карл, как отличный рассказчик, поведал о ходе боевых действий, о своём участии, всё скромно и без украшательств, как подобает настоящему барону. Сергей слушал Карла с блеском в глазах, вероятно представляя всю баталию, и вспоминая свои походы. С замиранием сердца в особо напряженных моментах, когда героический барон в паре с волком рубил басурман направо и налево, Карл так красочно живописал, что Сергей, даже не доносил вилку с огурчиком или с опёнком до рта, так захватывала его картина боя. Наталия же, наоборот, слушала Карла, и в отличие от супруга, время от времени опускала глаза, глядя в свою тарелку. У жен-

щин своё понимание войны, более точное, чем у мужчин. Она даже не догадывалась, что этот героический рассказ был только для неё. Мужчины немногословно обо всё поговорили в бане.

- Видел я и могилу Николая, она находится возле церкви, обихоженная, это не далеко от Киева, я всё записал. – Закончил своё рассказ Карл.

- Спасибо тебе Карл, я же чувствовал, и Наталья чувствовала. Нам как-то на сердце стало легче, хотя мы и не знали от чего, но теперь знаем. У меня по весне отпуск, мы съездим, навестим, молебен закажем и отстоим службу по всем упокоенным на этом кладбище воинов. Они же нам все как дети, лежат вместе на одном кладбище, в одном рядку.

У Натальи навернулись слезы, которые она салфеткой осторожно промокнула, опустив голову, сдержала лёгкий всхлип, чтобы мужчины не заметили её невольной слабости.

Хайман, как боевой товарищ, был Поддубным обихожен, накормлен и получил официальное разрешение присутствовать на трапезе и спать в комнате Карла. Не на улице же держать ручного волка, от запаха которого, все окрестные собаки замолкли и спрятались в своих будках в ожидании, когда Хайман соизволит отдохнуть, поесть и поспать всласть. У животных своя иерархия.

Под конец немного затянувшегося в этом году бабьего лета, в столицу, с южного направления, под уже холодными северными лучами солнца, по дороге покрытой листвой, скрывавшей стук копыт, в Санкт-Петербург вернулся молодой мужчина с приятной располагающей улыбкой, но с серым стальным взглядом, слегка прищуренных на Невском ветерке глазами. Только лёгкий румянец на щеках, давал знать прохожим, что молодость так и кипит у него в крови. Карл галантно улыбался встречным девицам, да и не только девицам, проезжая мимо женщин немного старше себя, он обращал внимание на них, а когда они в ответ смотрели на молодого человека, то Карл, лёгким кивком головы, как бы здоровался со старой знакомой. Что приводило женщин в некоторое смятение, а на очаровательных лицах появлялась лёгкая улыбка не узнавания, прикрытая либо веером, либо вуалью, либо морщинки на лбу, заставляли женщин вспоминать, - «Кто этот незнакомец? Где мы с ним встречались, что-то не припоминаю я его, хотя лицо вроде знакомое, да и вообще, этот кавалер очень даже ничего».

Всадник выглядел уставшим, от дальней дороги, о чём свидетельствовали не чищенные ботфорты, и следы дорожной пыли на лице. Молодое тело в коричневом охотничьем костюме, было расслаблено от дальней дороги, и всадник сидел в седле, слегка уволившись на левый бок, форменная синяя с подпалинами, треуголка была сбита на затылок, а русые волосы прилипли ко лбу. Всадник, а за ним карета с кучером двигались в сторону набережной Фонтанки, домой. С войны.

- Есть кто дома? Дядя Фёдор, спишь что-ли. Открывай старый чёрт, не видишь, хозяин с войны приехал, - барабанил в ворота кулаком в перчатке Карл, даже не слезая с лошади.

Из-за ворот послышался голос, – батюшки святы, никак господин барон вернулся, Царица Небесная, живой, - и ворота немного поскрипев, открылись, представив взору Карла, слегка помятого Фёдора и чисто подметенный от листвы двор.

Слегка тронув бока Графа шенкелями, Карл Мюнхгаузен проехал во двор прямо к крыльцу дома. За Графом проследовала Графиня, делавшая вид лошадиной усталости, хотя кроме седла ничего на себе не имела. Замыкало шествие карета, направленная за оглобли крепкой рукой Фёдора в сторону конюшни.

«Ну, вот мы и дома» - подумал Карл, спрыгивая с лошади и отдавая бразды правления Фёдору. Хотя настоящий дом Карла был в тысячи две, верстах на запад, но этот дом в Санкт-Петербурге, стал для Карла, практически своим.

- Карл, мальчик мой, вернулся с войны, а мы уже заждались тебя, вся армия пришла, а тебя всё нет да нет. – Расчувствовалась Авдотья, вытирая передником неподдельные слезы. – Проходи в дом, раздевайся, ща баньку истопим, а потом и поедим, чем Бог послал. Фёдор, как распряжешь лошадей, баньку истопи Карлу, вон он совсем в пыли по самый нос.

Всё устроилось под руководством Авдотьи, и уже через три часа, пропаренный твёрдой рукой Фёдора и Томаса, чистый и вымытый до скрипа, Карл в домашнем халате восседал в гостиной на втором этаже, доедая запасы копчёностей от Анны Павловны и начав уничтожать запасы продовольствия, заготовленные домохозяйкой. По старой традиции, заведённой самим Карлом, все жители собрались за одним столом. По правую руку от Карла восседал дядя Фёдор, а по левую Томас, оба такие же свежие кавалеры, после парной. А вот Авдотья, только и успевала таскать еду с первого этажа, изредка присаживаясь с мужчинами пропустить стопку дру- гую и тут же умчаться на первый этаж за очередным блюдом.

Стол, конечно не ломился, был простой на скорую руку собранный обед, плавно перетек- ший в ужин. По фарфоровым блюдецкам, тарелочкам и по соусницам и ещё, в Бог знает какой посуде, были разложены припасы Анны Павловны, явные фавориты среди припасов Авдотьи. Сальце с прожилками мяса, сальце без прожилок, но с одурманивающим запахом чеснока. Солёные огурчики, и маринованные грибочки из Витебских лесов и пуц, отсвечивали масля- ными боками и пупырышками на огуречных бочках. Опята и грузди были распределены по отдельным тарелочкам, смешно топорща свои маленькие шляпки вперемежку со срезанными тоненькими ножками. Копчёные колбаски были нарезаны тонкими кружочками и уложены по спирали тарелок, расставленных симметрично по всему столу. Копчёная рыба из Лепельских озер, нарезанная толстыми кусочками уложенная на маринованную пахучую зелень, примо- стилась ближе к центру стола, к кувшину с вином и бутылке с горилкой, сохраненной Карлом в целости и сохранности. Пахучий свежий хлеб, как ржаной, так и пшеничный, были разложены кусками прямо на деревянном подносе. Копченый окорок, обсыпанный пахучими травками, дополнял, а может и заканчивал картину своими мясистыми с прожилками светло-серыми боками. Стол был однозначно баронский, а может и графский, но точно лучше герцогского в замке, где трапеза это не священнодействие еды, а пополнение калорий, что бы не помереть с голоду.

Однако обед, который ужин начался с борща, продолжился кашей с мясом, что по идее, должно было насытить троих мужчин. Но употреблённая, под незатейливый тост – «С приез- дом!» - горилка, светлая и прозрачная как слеза, из запасов Витебской помещицы, разогнал аппетит не только у мужчин, но и практически непьющей Авдотьи. Карл, соскучившийся по домашней трапезе, всю дорогу как реликвию, сохранял запасу Анны Павловны, именно для этого счастливого момента, и этот момент настал. Вилкой Карл подцепил грибочек, потом на него подцепил кусочек сала, отправил такой немудрёный склад в рот, сразу после первой сто- почки горилки. Горилка приятно обожгла горло, опустилась не торопясь в желудок и согрела Карла тепло и непринужденно, заняв полагающееся ей место в гастрономической иерархии. Все присутствующие не отставали от хозяина и вскоре, обед, который ужин, перетек в равно- мерное угощение, смакующее каждый кусочек из даров Витебска и запасов Авдотьи.

- Ну вашбродь, рассказывайте, как там на войне, а то много слухов по столице ходит, и не поймёшь где правда, а где вымысел, - обратился после очередной стопки дядя Фёдор к Карлу.

- А что тут рассказывать. Война она и есть война. Победители рассказывают своё, а побежденные своё. Я даже и не знаю, победили мы в эту компанию или нет. Вроде воевали хорошо, турка били, только головы их летели. Да и наши кстати тоже.

- Карл, ну расскажи как ты сам то воевал, что мне слушать, про других, у других свои слуги имеются, а у нас только ты, - ударив сухеньким кулачком по столу, произнесла Авдотья.

- Ну тогда слушайте....

И Карл рассказал, как он рубился с турками, ходил в разведку, стрелял на скаку, о каза- ках, о гусарах, о героической батарее Дмитрия Румянцева, отбивавшейся от турок банниками, о том, что Хайман, который лежал у его ног, не даст соврать, как они вдвоём десяток турок на саблю взяли. Как Хайман, не раз спасал ему жизнь, не только работая клыками, но и интеллек- том, как Андреас вытащил его из болота за волосы, куда он провалился с головой, производя

разведку в топких местах. Ещё Карл рассказал, что доктор Чистяков научил его врачевать раны, и теперь Карл может и обработать рану и зашить. Ещё он поведал открывшим рот сотрапезникам, что после этой компании он может есть всё что шевелиться, ползает и бежит, в любой виде кулинарного искусства. Он так же поведал, что на войне он лично вылакал, наверное бочки две вина, бочку водки, но вот курить так и не начал. Так же он рассказал, что согласно казачьих обычаев, он снимал с врагов оружие в качестве трофеев, показав глазами на тяжеленные баулы, оставленные на разбор, как всегда на потом. Только он не рассказал о встрече с наёмниками в лесах под Витебском. Его спрашивали про войну, вот он про войну и рассказал. Правда, от лукавого взгляда Авдотьи не укрылось, что часть трапезы на столе приготовлена в домашних условиях, с любовью обёрнуто и упаковано, что в армейских складах не практикуется. На что Карл сообщил, что выполнял задание главнокомандующего и побывал в Брянске и в Витебске, где родня офицеров, доставленных им до дома, снабдило его провизией до самой зимы. За что низкий его поклон Татьяне Резановой и Анне Павловне. Последняя, кстати отдала ему крепостного со всеми бумагами, в слуги и кучером, которого он назвал Томасом. Так что недолго осталось радоваться Томасу под защитой Карла. К Рождеству он сделает ему подарок и даст вольную, Карл не рабовладелец какой-то из древнего Рима. На что Томас насупился и сказал, что подарок он мог бы получить и рублём серебряным, а вольная ему и задаром не нужна.

- Терпи Томас, такая вот у барона Мюнхгаузена блажь, не нужен мне раб, у меня и галеры нет, куда тебя пристроить в случае чего. – Ответил Томасу на серебряный рубль к празднику, Карл.

- Ну, воля ваша, господин барон, только я от вас не уйду. Где мне ещё такой барин найдётся, у которого ручной волк, два пистолета и сабля в ножнах не задерживается. У которого, враги на каждом лесном повороте стоят и ждут. Нет, господин барон, так не пойдёт, мне и платить не надо, я за харчи ваши готов служить, только не выгоняйте.

- Ладно, уговорил. К Рождеству вольная, а потом слугой за рубль в месяц. Оплата первого числа месяца за предыдущий месяц. – Поставил условие Карл.

- Тогда харчи, одёжка и часть трофеев тоже мне, - выдвинул будущий слуга свои требования.

- По рукам, - и Карл протянул свою руку Томасу.

- По рукам, - и Томас пожал руку своему будущему работодателю, который в один осенний вечер изменил судьбу молодого человека, только из-за того, что у барона Мюнхгаузена нет подходящей галеры.

- Дядя Фёдор, принимай пополнение, объясни всё ему, покажи и пристрой в какой светелке, чтобы у меня под рукой был. Пока я в столице живу, ты главный. Субординацию надо соблюдать. И подбери ему, что из моих вещей, а то мы же не в деревне какой живём, в столицах изволим обитать.

- Не переживайте господин барон, всё будет в лучшем виде, - отвечив дядя Фёдор.

- Ну и замечательно, а теперь пора и честь знать, пойду ка я почивать, а то что-то утомился я с дороги. – Карл, встал из-за стола, посмотрел вниз, к себе под ноги, и с улыбкой сказал под стол, - а вам Хаймуля, что особое приглашение требуется? Извольте составить мне компанию.

Хаймуля чуть прижмурился на свету, потянулся, опустив голову, потом прогнулся, и многообещающе зевнув, просочился между ног и побежал в спальню хозяина, осваивать новый прикроватный коврик, тот, что из трофеев, тот, что ткали в Персии.

Возле служебного входа, дворца на набережной, где со своей свитой жил принц Антон Ульрих, остановилась лакированная карета черного цвета. Свежевымытая, карета блестела черным лаком, но в некоторых местах пробивалась матовая белизна, отголосок жаркого солнца Бессарабии. Караул на воротах прекрасно знал эту карету, можно сказать в лицо. Офицеры помнили, что в этой карете по фронтиру разъезжал сам доктор Чистяков, время от времени, деля её с принцем или главнокомандующим, а иногда и с волком. Вот он как раз первый и

спрыгнул у крыльца, а за ним появились ботфорты старые, но начищенные до блеска, а затем и хозяин этой обуви. Задержавшись на подножке, Карл как всегда улыбнулся всем знакомым офицерам караула, и, сняв с себя треуголку, поднял её над головой и слегка покачал ею. «Рад вас видеть в добром здравии meine kameraden! Готовьте свои Bierkrüge». Поднявшись по ступенькам, под одобрительные возгласы бывших однополчан, Карл поправил перевязь со шпагой, лёгким щелчком пальцев скинул с плеча невидимую пылинку и сделав широкий шаг переступил порог дворца. Дверь ему открыл унтер офицер Марусев, которого Карл помнил в строю у Билочи, с дымящимся стволом ружья и окровавленным штыком, перед кучей убитых турок.

- Как здоровье дружище Сергей? Раны то не болят? – Обратился Карл к Марусеву.

- Всё в порядке Карл, после твоего руковмешательства, мне сам чёрт теперь не страшен, раны не болят, шрамы быстро заросли, хоть опять в бой. А отдельным сознательным волкам, наше отдельное Данке. – Ответил Марусев своему спасителю. Ведь после боя, именно Карл врачевал уколы и порезы, пока доктор Чистяков занимался тяжелоранеными. Хайман же тоже внёс своё вклад, зализывая раны солдат, от чего те шли на поправку быстрее, чем остальные «не вылизанные» раненые.

Никто даже не обратил внимание на то, что, паж Антона Ульриха, приехал без формы, в охотничьем костюме, к виду которого все давно привыкли, и воспринимали этот костюм как само собой разумеющееся. Мало ли, у каждого свои причуды. Может так в Германии положено, у каждой страны свои уставы.

- Карл, дружище, как же я рад видеть тебя. Ты не представляешь, как мне тебя не хватает. – Обнимая своего пажа и старого друга, слегка прослезившись, произнёс Антон Ульрих. Стоявший рядом Алекс Гофман, только подмигнул Карлу, оставив все разговоры на потом, в известном питейном заведении.

- Всё в порядке ваше сиятельство, вот вчера приехал и сразу после бани к вам, с докладом. – Ответил смущающийся барон Мюнхгаузен.

- Хаймуля и ты здесь, ах ты мой маленький озорник, дай я тебя поглажу, - Антон наклонился над сидящим рядом у его ног волком и почесал его по холке и за ушком. От чего волк прильнул к ноге принца и, подняв голову, растянул свою пасть в довольной улыбке. – Ничего-ничего, дядя Антон тебя помнит и любит, приходи по чаще, я тебя со своей невестой познакомлю, она тоже собачек любит. – Волк удивлённо посмотрел на принца. В его глазах читалось, - какая собачка? Вы что? Но Антон, продолжая поглаживать Хаймулю за ухом, продолжил, - мы представим тебя как редкий вид охотничьих собак, будешь у нас.... - Антон немного задумался, - Бессарабской гончей! Точно! Ты согласен? А то представь себе, я говорю своей невесте, - «Познакомься Анна, это таёжные волк, зовут Хаймуля». Так её сразу же удар хватит. А мне на ней жениться, а ей детей рожать. Императора Российского. Так что применим военную хитрость, ради императора.

В глазах волка читалось, - хитрость так хитрость, главное чтобы не забывали кормить.

Решив вопрос с конспирацией Хаймана, Антон перешел к докладу Карла, который изложил ему суть в устной форме и подал рапорт в письменной форме.

- Так-так, дружище. И кому же ты дорогу перешёл из шляхты, ты мне можешь объяснить? Да ты хоть знаешь, сколько стоят такие бретеры? – Начал свои наставления и умозаключения Антон.

- Конечно, знаю, ваше сиятельство, я же сам с них все кошель срезал. – Безобидно ответил Карл. – Ровно триста талеров, да ещё и злотых немного.

- Вот! Чувствуется рука казачества и гусарства, что не враг, то кошелёк. Никакой дисциплины, никакого понятия о законах войны. Карл, да за эти деньги, в Европе королей свергают, а тут на одного барона не пожалели столько денег.

- Ну, так их же трое было!

- Да хоть батальон! Каждому по рублю, и всё короля нет. Да дружище задал ты мне задачку. Постой, а почему ты не в форме, Карл? Где твоя гвардейская форма Карл? Я вот только треуголку вижу. Что молчишь?

- Нет, ваша светлость, я не молчу. Форма пришла в негодность во время войны, осталась одна треуголка, да и то, вся помятая. А это мой единственный костюм на выход в свет.

- Да-да! Верю тебе. Думаешь, я в окно не видел, что твой кучер одет как заправский ловелас, с шейным шелковым платком, в сапогах. Картуз его и тот новенький, а вот пассажир, как будто из леса вышел с охоты.

- Так это я Томасу свои пожитки отдал, невместно мне барону, на службе вашей светлости в цивильном платье ходить. Я всё таки гвардеец, вашего брата.

- Вспомнил наконец, он гвардеец наконец, где форма гвардеец, где галуны и шевроны, капрал? Где устав?!

- Так мне денег ещё не заплатили, на постройку формы, на материал, за последний месяц. – Начал перечислять накопившиеся долги казны, Карл.

- А кто три талеров снял с наёмников?

- Э нет, ваша светлость, это трофей, что с боя взято, то свято! И никакого отношения к казне не имеет.

- Ах ты мой возмутитель спокойствия, - Антон по братски обнял Карла, - я знаю что надо с тобой делать. – Алекс, принеси кошель, тот что для Карла я приготовил. А тебе Карл, я скажу. Мне нужны грамотные офицеры. Ты конечно рубака ещё тот, но вот знаний тебе бы не помешало бы.

- Вы наймёте мне учителя по тактике? – Обрадовался Карл.

- Я найму тебе военную академию Карл!! Я отправлю, тебя учиться, и получить диплом настоящего офицера, - дипломированного!!! Для чего, тебе нужна новая форма и новые ботфорты. Вопросы теперь у тебя имеются, мой дорогой Карл?

- Что я вам такого сделал ваше сиятельство?

- Эх Карл, Карл. Это я тебя спасаю на ближайшие полгода. Поучись немного, вернётся, а к тому времени господин Ушаков и узнает, кто это решил поднять свой хвост на пажа его сиятельства. Фирштейн?

- А дорога отдельно оплачивается?

- Дорога сударь, за счёт казны. А вот тебе на расходы, на новую форму, жалование за всё время компании, премия от меня лично, премия от государыни. Цени, недисциплинированный ты наш. – И Антон, передал своему пажу увесистый кожаный кошель, туго набитый кругленькими монетами.

По весу Карл определил, что в кошеле имеется и серебро и золото. Так что война пошла не только на пользу как практика, но и как финансовое благополучие. Карл подумал, подумал и выдал оторопевшему Антону, Алексу Гофману, стоявшему рядом, и всем присутствующим придворным. – «Война господа, это деньги, деньги и ещё раз деньги. Остальное купим».